

Глава 589: Прямой меч

Гуань Бай дал свое объяснение, и теперь пришел черед Чэнь Чаншэна решать, будет ли он принимать вызов.

Для него это действительно было весьма трудной проблемой. Многим людям казалось, что, по крайней мере, сегодня он не должен выходить на бой.

Гуань Бай не был одним из тех культиваторов начального уровня Конденсации Звезд, которые проиграли ему, а истинным мастером меча, его культивация была намного выше Чэнь Чаншэна. Что более важно, Гуань Бай как-то был тяжело ранен, его правая рука была отрублена. Даже если все было, как он и сказал, что он научился пользоваться мечом левой рукой, для него было невозможно вернуться в пиковое состояние. Если Чэнь Чаншэн применит все свои силы и одержит над ним победу, в этом не будет славы.

Он был будущим Попом. Если он выиграет, это привлечет критику. Если он проиграет, это будет невероятно унижительно. Лучшим методом было вовсе не принимать вызов противника.

Было очень тихо, все глаза были направлены на Чэнь Чаншэна, ожидая его решения. Никто не смел торопить его, но тишина и эти взгляды создавали невидимое давление.

Именно в этот миг из-за слоев белых занавесов раздался ясный и холодный голос: «Дорога культивации длинна и бесконечна, но так как ты уже ступил на нее, как ты можешь останавливаться? Пока ты непрерывно двигаешься вперед, наступит время, когда ты шагнешь в этот день. Нет надобности волноваться о том, прибудешь ты рано или поздно, и тем более нет надобности переживать о победе и поражении, и почему клевета или похвалы мира должны беспокоить твое сердце? Может быть, ты все еще не понял этого?»

Существовало не более десяти человек, которые могли говорить с Чэнь Чаншэном подобным тоном. Из присутствующих такое право было лишь у Старейшины Небесных Тайн и... Сюй Южун.

Эти слова были сказаны Сюй Южун, ее голос был ясным и холодным, даже немного безразличным. Было трудно определить эмоции за ее словами.

Многие люди взглядами последовали источнику голоса за белыми занавесами на высокой платформе и могли слабо различить фигуру красоты внутри. Они начали чувствовать себя странно из-за странной атмосферы, которая опустилась на это место.

Слова Сюй Южун казались ободрением, но если интерпретировать их с другого угла, это было больше похоже на подстрекание, даже высмеивание.

Когда люди подумали об этом, они вздохнули, думая, что даже у Святой Девы с ее ярко зажженным сердцем Дао все еще осталось некоторое возмущение от унижения, которое она получила в столице из-за разрыва помолвки.

Когда люди Секты Меча Горы Ли услышали это, однако, они начали думать о других вещах.

Гуань Фэйбай посмотрел на Гоу Ханьши и неуверенно спросил: «Видя ответ Младшей Сестры, я думаю, что у Старшего Брата... все еще может быть шанс?»

Гоу Ханьши хорошо разбирался в Даосских Канонах, но ему не были ясны подобные вопросы.

Единственным присутствующим, кто понимал истину этой ситуации, был Танг Тридцать Шесть. Когда он увидел лица толпы и активность Секты Меча Горы Ли, его губы изогнулись в ухмылку, пока он думал с высмеиванием: 'Как вы можете понять нелогичный и другой вид любви, который эта юная пара демонстрирует друг другу'.

Они думали, что Сюй Южун высмеивала Чэнь Чаншэна этими словами.

Танг Тридцать Шесть знал, что это было не так, а Чэнь Чаншэн был еще больше уверен, что она не делала этого. Он понимал, что она хотела сказать.

Культивация требовала продолжительной закалки, продвижение требовало продолжительных испытаний. Победа и поражение не были важны; упреки и похвалы имели еще меньше значения.

Если он хотел продолжать совершать прорывы в культивации, он должен был научиться игнорировать все это и вернуться к эссенции культивации.

С помощью своего понимания жизни, с помощью своего экстраординарного воззрения, которое он получал в боях, с помощью могущественной психической силы, которую он получал от величайших давлений из-за жизни между жизнью и смертью.

Он не поворачивался к ней за белым занавесом, обращая свой взгляд к теплому туману в сердце озера. Наконец, он отвел свой взгляд, чтобы взглянуть на Гуань Бая на каменной платформе.

Подул озерный порывистый ветер, сдувая пыль на каменных плитах и дуя на пустой рукав Гуань Бая и рукава юноши.

Он поднялся на каменную платформу и предстал перед Гуань Баем.

Это был первый раз, когда много людей смогло увидеть его вблизи.

Толпа увидела, что легендарный Чэнь Чаншэн вовсе не был красавцем, но его внешний вид был очень чистым, и он отдавал чувство незрелого юноши.

Он стоял там, как освежающий весенний бриз, который был свободен от ограничений земли.

Из толпы были слышны звуки обсуждений, эмоциональные вздохи и комментарии похвалы.

Гуань Бай был очень спокойным. Не говоря ничего более, он взял меч с пояса и поднял его в воздух перед собой.

Сейчас у него была одна рука, так как он сможет обнажить свой меч?

Его рука медленно двигалась по мечу, и когда достигла рукояти, его пальцы немного увеличили свою силу и укрепили хватку.

Ножны меча медленно сползли вниз с мелодичным звоном, обнажая яркий меч.

Это было прекрасным зрелищем.

Это было подобно нескольким десяткам му зеленого мха, который рос на поверхности озера, и медленно закручивался порывом ветра, уносясь вдаль (прим.пер. Му - китайское измерение площади эквивалентное 666.7 квадратным метрам).

Это было еще больше похоже на генерала, запятнанного кровью и пылью, который медленно и твердо снимал свою броню, раскрывая тело, переполненное силой.

Это было снятием брони.

Снятие брони не всегда означало, что человек был намерен возвращаться домой - это также могло быть прелюдией к величественной битве (прим.пер. 卸甲归田, 'снять броню и вернуться домой', - китайская идиома, которая означает выход на пенсию с работы).

Или, возможно, это была битва, которая возвращалась к своей эссенции, детская и неуклюжая битва.

Эта битва не была затронута какими-либо внешними факторами, не была вплетена в интересы фракций, и в ней не было азартных ставок. Это был чистый бой.

В нем сравнивалась сила, они стремились к победе, они хотели радости.

В простом акте обнажения меча Гуань Бай полностью продемонстрировал свои намерения и волю сражаться.

Глаза многих людей стали ярче.

Особенно глаза таких культиваторов, как Гуань Фэйбай.

Кто не любил подобные битвы?

Даже Танг Тридцать Шесть почувствовал, что его тело стало немного горячим, подсознательно идя к сцене туда, где стояли люди Секты Меча Горы Ли, желая быть еще ближе к этой битве.

Лишь Чжэсю не проявлял реакции, его лицо все еще было безразличным, он не видел в этом никакого интереса. В отличие от того, что представляли обычные люди, у него и правда не было любви к бою. С его точки зрения, целью битвы было убийство врага. Победа, радость и эти другие вещи показывали полное отсутствие понимания (прим.пер. Этот абзац заканчивается китайской идиомой, 何不食肉糜, которая переводится, как 'почему они не едят мясо?'. Этот вопрос был решением, предложенным Императором Хуэем из Цзинь, когда ему сказали, что люди голодают от недостатка риса, что отражает его плохое понимание ситуации. Подобная фраза - 'пусть едят пирожные', предположительно сказанная Марией- Антуанеттой).

В следующее мгновение поднявшийся боевой дух толпы стремительно исчез.

Свет в глазах Гуань Фэйбая и остальных вмиг исчез, он был заменен ошеломлением и чувством поражения.

Потому что на вершине Горы Хань появилось намерение меча.

Это намерение меча возникло от меча в руке Гуань Бая, из его бровей и глаз, из его крепко завязанных черных волос, а также из его пустого рукава. Оно излучалось каждой порой его тела.

Это намерение меча было внушающим благоговение, несравненно плотным. Гравий и частички травы, которые ранее были перемолоты в порошок намерениями меча Лян Баньху и Гуань Фэйбая, сейчас были разрезаны в еще более крохотные частички.

Озеро и ветер, которые были разрублены на части, а затем переформировались, вновь были

разрублены, на них появились бесчисленные порезы. Более того, они не могли переформироваться, и эта сцена выглядела весьма изумительной.

Это было могущественное намерение меча, такое, что даже такие гордые и самоуверенные люди, как Гуань Фэйбай и Танг Тридцать Шесть, были вынуждены признать, что они не могут сравниться с этим намерением меча.

Толпа была переполнена криками удивления, но затем она стала еще тише, чем ранее.

Все взгляды были на Гуань Бае, переполненные шоком и почтением.

Он действительно был достойным экспертом Провозглашения Освобождения, Известным Именем Академии Небесного Дао. Гуань Бай потерял руку и его сила тяжело пострадала, но не только его сила не уменьшилась, казалось, что он сделал еще один шаг на пути меча!

Как Сюй Южун и сказала Чэнь Чаншэну мгновением назад, возможности часто возникали из поражения, прорывы часто происходили из испытаний жизни и смерти.

В прошлом году в столице, из-за того жалкого события с дикой собакой в аллее, Гуань Бай отказался просто так пропустить даосскую монахиню, что привело к тому, что он пострадал от наибольшего унижения и избиения в его жизни.

Он покинул столицу и уединился в далекой горной деревне. Он потратил полгода, чтобы восстановить свою отрезанную руку, а затем начал спокойно размышлять.

У ручья, который тек вдоль скалы, у пруда за фермерским домом, он спокойно и серьезно размышлял в течение очень долгого времени.

Он убедился, что не сделал ничего неправильного в ту ночь. Если проигнорировать тот факт, что он был экспертом Провозглашения Освобождения, даже если бы он все еще был ребенком пяти или шести лет, который не знал, как культивировать, он все равно предстал бы перед ней.

Потому что это было правильно, это должно быть сделано, так почему он должен понимать, почему его должно беспокоить, кем была та старая даосская няня? Почему он должен сожалеть?

Нет, никакого сожаления.

Гуань Бай не имел идеи, что вопрос, над которым он раздумывал у ручья и рядом с прудом, был вопросом, над которым много лет назад раздумывала личность по имени Ван По, который раздумывал над ним среди дикой природы Графства Тяньлян.

После того, как Ван По обдумал этот вопрос, он наконец-то приобрел свой собственный путь клинка.

Хотя этот путь клинка был далек от силы и ужаса пути клинка Чжоу Дуфу, в уровне он уже был достоин того, чтобы обсуждать их на равных.

Этот путь клинка назывался 'прямым'.

После того, как Гуань Бай обдумал этот вопрос, он тоже получил свой путь меча, также называемый 'прямым'.

В тот день, когда горы были наполнены листьями кленов, а цикады непрерывно жужжали у

пруда, его путь меча достиг наибольшего успеха.

.....

.....

Чэнь Чаншэн почувствовал намерение меча Гуань Бая, и его сердце наполнилось восхищением.

Он рассматривал Ван По, как идола, так что для него было невозможно не находить приятным это намерение меча.

К тому же, он смутно догадывался, с чем Гуань Бай столкнулся в столице.

Он глубоко восхищался тем фактом, что этот человек смог отойти от своей отрезанной руки за короткое время года и даже достиг прогресса в своем уровне на пути меча, но он еще больше восхищался причиной, почему он был так тяжело ранен.

Такой человек, такое намерение меча - как ответить? Естественно, ответ тоже лишь мог быть 'прямым'.

Снежные равнины со взрывом в его теле начали пылать, превращаясь в безграничную истинную эссенцию, которая передавалась через узкие меридианы в каждое место в его теле.

Казалось, что за его телом оставались остаточные образы, а затем они превратились в прямую линию и пересекли каменную платформу, чтобы нанести удар Гуань Баю.

Эта атака была несравненно прямой.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/165808>